

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МАЙСКИХ ВОЛНЕНИЯХ 1775 г. В ПАРИЖЕ

В. С. Люблинский

Для конкретного анализа характера и значения крестьянских и плебейских выступлений, непосредственно предшествовавших французской революции 1789—1794 гг., сделано крайне мало. В частности, явно недостаточное внимание уделяется событиям, имевшим место в мае 1775 г. и получившим название «Мучной войны».

Скудостью источников лишь отчасти объясняется то, что в литературе «Мучная война» трактуется как эпизод почти случайный и загадочный, на правах скорее административного недоразумения, нежели классового конфликта. Исследуя положение народных масс перед революцией, степень их активности и организованности, мы должны изучать майские дни 1775 г. не изолированно, а в связи с другими событиями и проблемами: кризис административной системы, торговля хлебом, позиция сельского духовенства, влияние печати, распростра-

ние теории физиократов и др. Если не забывать о них и о глубокой социальной драме полунищей улицы и деревни, о связи между большинством восстаний того времени и голодной нуждой, то события 1775 г. приобретают иной облик и гораздо больший исследовательский интерес.

В настоящей заметке мы ограничиваемся лишь фрагментарной информацией об одном источнике, донные не использованном, хотя и давно хранящемся в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Среди ее коллекции бастильских бумаг мы еще в 1936 г. обнаружили «Перечень лиц, содержащихся в разных тюрьмах Парижа и в иных в связи с грабежами хлеба, зерна и муки, а также лиц, на коих были получены указания за то же самое — 1775»¹. Всего сохранилось

¹ «Etat des personnes détenus dans les différentes prisons de Paris et autres relative-

19 страниц, содержащих попарно следующие графы слева: «Имя, возраст, родина, положение и жительство арестованных», «Даты их задержания», «Наименования тюрем, чиновников, произведших арест, и комиссаров, снимавших допрос», «Причины задержания», «Решения», а справа — «Имена полицейских инспекторов, чиновников дозора и прочих, давших указания против различных лиц», «Даты писем или докладов», «Имена, родина, возраст, положение и жительство лиц, против которых поступили эти указания», «Содержание таковых», «Решения». Список явно не закончен, не заверен и, стало быть, заведомо не полон². К тому же о 139 человеках из общего числа 255 многие нужнейшие сведения отсутствуют, но, во-первых, в некоторых случаях удастся частично восполнить эти пробелы и, во-вторых, на основании других (печатных) источников этот список можно пополнить еще на 29 человек.

При этом сразу же бросается в глаза одно обстоятельство: тогда как литературные источники говорят о 180—200 задержанных в первые дни волнений, в одной лишь сохранившейся части списка поименовано за срок с 3 по 10 мая 255 человек. Видимо, имелись особые причины скрывать от гласности истинные размеры народного недовольства.

Две трети обвиняемых — люди в возрасте от 25 до 50 лет. Но среди них много и молодежи. Значителен процент женщин.

Особенно выразительны данные о социальном и профессиональном составе участников майского выступления. Несмотря на неполноту записей, мы насчитываем в них 74 рабочих и 13 безработных. Среди первых 56 человек имеют постоянную специальность (хотя лишь у немногих из них она относится к квалифицированному труду), в том числе 21 подмастерье и 1 ученик; зато 18 — поденщики, подсобные рабочие, грузчики; а среди безработных, в свою очередь, 8 человек из 13 (в том числе 1 подмастерье) являются представителями квалифицированного труда. Значит, «Мучная война» в Париже отнюдь не была делом только при-

ment aux pillages de pain, du blé et de la farine, ainsi que des personnes contre lesquelles il a été donné des avis pour le même objet — 1775». Собрание автографов № 121, лл. 287—298.

² В Библиотеке Арсенала в Париже имеется лишь копия данного документа, снятая в Петербурге Ховен де Траншером. Но, несомненно, парижские архивы сулят исследователю материалы иного рода, более ценные и обильные.

шлых крестьян: в нее были вовлечены и городские массы, и притом особенно заинтересованные в дешевом хлебе.

Профессиональный состав арестованных исключительно пестр. Только среди восьми десятков людей, профессия которых поддается определению, мы находим людей целых 45 специальностей. 8 человек были простыми *gagne-deniers*, поденщиками (из них 2 — случайные грузчики в порту). *Journaliers*, то есть опять-таки поденно нанимающихся на любую (в том числе сельскую) работу, несомненно двое, а всего, вероятно, 5 человек. «Подручными» чернорабочими поименованы всего пятеро (среди них 1 без работы), включая подносчика у каменщика. Вместе с грузчиками, водоносами, каменоломами эта группа достигает 24 человек. Шестеро названы «виноградарями». Об относительно крупной группе в 9 человек шляпников (*chapeliers*) нам еще придется упомянуть особо. Все же прочие профессии представлены по одному, редко по два человека, но и их разнообразие (от землекопа или перекупщицы до мельника и подмастерья пекаря) крайне красноречиво.

Ни рабочие мануфактур, ни даже ремесленники специфически парижских отраслей производства движением (или, во всяком случае, репрессиями) не затронуты, очевидно, в связи с более устойчивым заработком. Чрезвычайная пестрота состава лиц, шумевших на улицах, добивавшихся дешевого хлеба и переходивших к его изъятию, говорит по меньшей мере о том, что лозунги пресечения спекуляции хлебом нашли самый живой отклик у различных прослоек парижского и окрестного населения.

Поучителен и вопрос об оседлости. На 73 человека, заведомо постоянно проживающих в Париже (хотя пятеро из них бездомны, а трое — ночлежники из богадельни), приходится лишь 41 иногородний участник волнений. Значит, не выдерживает критики версия, поддержанная Вольтером, о том, будто хлебная война — чисто крестьянское движение³. Из упомянутых жителей Парижа лишь 17 (менее одной пятой) — уроженцы самой столицы, да еще 5 человек родились в ближайшей округе (считая до Версаля и даже до М^о). Это — характерное свидетельство скопления пришедшего трудового населения в столице в последние десятилетия перед революцией.

³ Cp. Ph. Sagnac. *La fin de l'ancien régime et la révolution américaine 1763—1789*. Paris. 1947, p. 315: «Dependant le peuple de Paris ne bouge pas, etc.».

В чем же состояли действия мятежников? 37 человек обвинялись в «грабеже зерна»; за «расхищение хлеба» у булочников, на рынке, в районе Шанель было привлечено 72 человека; «изъятие зерна по 12 су фунт» вменено в вину 12 лицам; «за требование, чтобы хлеб продавался по 8 су», арестовано 14 человек. Следующая крупная группа обвиняется в прямом хищении муки или хлеба, в намерении воровать муку, наконец, в том, что задержанные — «известные воры и из шайки мятежников»; всего их 27 человек. Попросту смутьянами, то есть взятыми за беспокойное поведение, оказывается 17 лиц; 9 человек, схваченных в кабачке в Берси, несомненно, были заподозрены в компаньонаже (союз подмастерьев).

Особый характер, как нам кажется, носят обвинения в «столкновениях с войсками». В одном случае указано, что это было у двери пекарни; но, вероятно, и большая часть «преступников» этой категории «обижала» именно часовых, выставленных с 4-го числа для охраны булочников от тех покупателей, которые требовали хлеба по дешевой цене (о попытках разгрома пекарен после этого дня не слышно). Но вот 7 мая двое мужчин порознь попадают в Шатле, а одна женщина — в Фор-Левек за оскорбление патруля швейцарцев⁴. 6 мая французская гвардия доставила в Фор-Левек писаря заставы de la Conférence за то, что на площади Карусели он оскорбил барабанщика инвалидов, стоявшего на посту, и даже замахнулся на него тростью; 7 мая и 24-летний слесарь-подмастерье, слоняясь из трактира в трактир, угодил в Большой Шатле за оскорбление, нанесенное офицеру инвалидов.

Полезно, далее, извлечь из нашего источника факты, конкретизирующие последовательность событий и их топографию.

В среду, 3 мая⁵, громили пекарни. В тот же день были арестованы привратник, требовавший хлеба по 2 су, и Луи Маре, каменолом в Люзарш, «comme faisant émotion populaire», который отправился в местечко Лувр вместе с толпой, раздобывавшей зерно по 12 ливров за сетье. Всего было задержано 27 человек.

За четверг, 4 мая, общее количество арестованных также составило 27 человек. Три брата-сплавщика, 20-летний прядильщик шелка и 56-летний чесальщик набивки для матрацев — все жители южной окраины столицы (rue des Gobelins, rue d'Orléans St. Marceau) были уличены многими свидетелями в захвате хлеба у булочников; 8 мужчин и 3 женщины арестованы за то же преступление, но совершенное накануне, 3 мая; 40-летний мастер-слесарь Луи Ги Маро, житель предместья Сен-Дени, — за «возмутительные крики» в Сент-Антуанском предместье. Двое жителей Антони за изъятие зерна у фермеров в Шуази были арестованы, повидимому, близ места действия: они отправлены в ближайшую тюрьму в Вильжюиф. Четверо, в том числе одна женщина, — за присвоение хлеба у булочников предместья Сен-Дени. У одной жительницы Porcherons обнаружено 100 фунтов (то есть около «полумешка») муки, в краже которой она уличена, и т. д. Наконец, снова уроженец Вильжюифа, также проживавший по улице Гобеленов, 16-летний подмастерье ткача газовых тканей, Лекилье, вместе с 28-летним грузчиком рынка и бывшим солдатом схваченный по указанию нескольких булочников за то, что они грабили у них хлеб. Кроме того, в тот же день Бержон, officier de commerce, донес на троих (гвоздарь, тряпичник, столяр), что они совершили «кражу муки с насилем» и иными эксцессами у булочников Сент-Антуанского предместья; поступил донос на 2 женщин, требовавших в Вожираре белого хлеба по дешевой цене; донос комиссара Ломонье на Лорана, агитировавшего перед булочной Симери; 7 жителей деревень Шуази, Тиэ и Вильнев-ле-Руа обвинены в расхищении муки у окрестных фермеров. Агент, арестовавший их (а на следующий день еще 11 человек за грабеж на Монмартре), донес еще на пятерых, заподозренных в хищении и укрывании муки; поздний обыск у них, однако, ничего не дал.

В пятницу, 5 мая, имело место расхищение зерна в Кретеи и Альфоре, в Сюзи и на ферме близ Ормессона; выданы ордера на аресты 6 человек. Арестовано снова 28 человек, в том числе спекулянты Думерк и Сорен.

Непосредственных указаний на проявления народного возмущения 6 мая нет, кроме грабежа зерна в Шуази. Зато цифра арестов резко подскочила вверх: за одну эту субботу (базарный день!) было брошено в тюрьмы 72 человека против

⁴ Впрочем, пометка «за то же», — быть может, небрежность канцеляриста.

⁵ Вопреки установившемуся мнению можно утверждать (на основании других источников), что «неспокойно» было в Париже уже за несколько дней до 3 мая.

82 за все три предыдущих дня, вместе взятых.

Относительно событий 7 мая информация нашего списка недостаточна. Но тюремные «итоги» этого дня хоть и скромнее субботних, все же составляют 52 человека, то есть вдвое больше против каждого из первых двух дней восстания.

8 мая было посажено под замок лишь 18 человек да выдано еще 7 ордеров. Наконец, 9 мая было задержано (судя по нашей части списка) 6 человек.

Эти разрозненные и неполные данные говорят о том, что одним ударом покончить с волнениями не удалось. Репрессии нарастали, потому что имели место новые разгромы хлебных запасов, если не в самом Париже, то в близлежащих деревнях; народ не успокоился, когда рухнули надежды на получение дешевого хлеба, и продолжал добиваться доступа в пекарни и осыпать проклятиями французскую гвардию (то есть парижские полицейские силы, на которые было возложено «поддержание порядка»). Сведения о том, будто уже 4 мая в одном лишь Шатле скопилось до 180 участников мучных волнений⁶, преувеличены. Зато общее число арестованных за первую неделю гораздо выше, чем было принято считать (только по нашей части списка мы знаем о 233 лицах). Подавление волнений вовсе не было таким легким делом, как это изображалось современными журналистами и запечатлелось в научной литературе.

В вопросе о территориальном распространении майского движения 1775 г. данные нашего источника особенно конкретны. С событиями в Понтуазе связано только дело прокурора Сафре де Бослабе. Зато весьма рельефно обрисовывается целый район волнений с центром в Бомоне⁷. С событиями в Версале, да и то по недоразумению, список связывает только одну особу. Косвенно с Версалем оказывается связанным и другой, неизвестно зачем туда «повторно путешествовавший», да, быть может, и третий, задержанный

5 мая на Монмартре, но версальский уроженец. Тем не менее нет оснований сомневаться в кровавой стычке на версальской дороге, в известном смысле кульминационном эпизоде борьбы⁸.

Местными очагами движения были Бомон, Даммартен, Вильмонбль, Бонди вместе с Ольне, Бобиньи, Дранси, Гонесс, причем все последние места — в северо-восточном секторе окрестностей Парижа, а далее в этом же направлении Люзарш и Лувр; к юго-востоку от столицы, по нижнему течению Марны, близ ее впадения в Сену, — Сюси, Кретей, Альфор, Шарантон; несколько выше — Видле сюр Марн; сразу же за Сеной, выше слияния, — Шуази, Тиэ, Витри, затем Бур-ла-Рен, Антони (близ Со). Наконец, ряд пунктов оказался связанным с волнениями косвенно: дело ведь не только в том, где именно происходили разгромы складов, но и в том, откуда шли к ним крестьяне.

Итак, вокруг Парижа образовалось — и притом не до, а после 3 мая — почти сплошное кольцо мучных волнений. Ходячее представление о том, будто движение распространялось к Парижу с северо-запада (то есть только по маршруту Понтуаз — Версаль), не отвечает действительности. Полностью опровергается и устойчивое с XVIII в. утверждение, будто характерной особенностью выступлений 1775 г. было то, что повсюду действовали пришлые толпы, являвшиеся из неведомого далека: наши данные не знают таких случаев, но зато приводят множество выступлений крестьян в собственных деревнях или в фермах по соседству. Топография и самый характер запасов, подвергшихся нападениям, отвергают измышления сторонников Тюрго, приписывавших зачинщикам «Мучной войны» замысел искусственно вызвать голод, отрезав Париж со всех сторон от источников подвоза хлеба.

В смысле локализации событий в самом Париже наш список приносит еще более неocenимую помощь. Прочие источники, а вслед за ними и литература почти полностью молчат о месте действий. Самое большее, что можно было установить по ним, — это грабежи у монмартрских мельниц да наименования одного — двух

⁶ Cp. P. Foncin. *Essai sur le ministère de Turgot*. Paris. 1877, p. 201.

⁷ Трудно решить, распространилось ли волнение вниз по Уазе, или, напротив, оно доплеснулось сюда из Понтуаза: наибольшее число печатных сведений о нем черпается только из «*Bastille dévoilée*», т. IV, но поскольку бомонскими событиями следственные власти интересовались (и производили аресты) гораздо позже, вплоть до второй половины июня, затруднительно точно датировать их.

⁸ Cp. Foncin. Указ. соч., стр. 206 и J. L. Soulaye. *Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI*. Paris. An X (1801), p. 293, с эпическим простодушием принимающих этот факт к сведению.

предместий. Теперь же мы точно знаем, где проживали те, кто требовал дешевого хлеба, где разграблялись пекарни, по косвенным данным можем примерно уяснить себе районы столкновений с французской гвардией и т. д., видим, что движение отнюдь не было узколокализованным, а распространялось на большую часть территории города. Опуская здесь отдельные адреса, отметим для примера хотя бы два момента. С монмартрской мельницей, пострадавшей 4 мая, связаны дела 22 человек; близ монмартрской каменоломни были задержаны (под началом Ресевера!) бездомные, трое из них оказались связанными с госпиталем св. Гervасия. Близлежащие *Porcheons* — не только место ареста «подозрительных», но и место проживания пятерых других арестантов⁹. А в южном углу Парижа, где сходятся дороги, на первом же переходе приводящие в Шуази с Тиэ и в Вильжюиф, Бур-ла-Рен и Антони, полиция нащупала в какой-то мере очаг народного сопротивления¹⁰.

Итак, с несомненностью выясняется: большее, чем считалось прежде, участие парижских низов в «Мучной войне», утрачивающей, таким образом, свой чисто крестьянский характер, больший по сравнению с традиционными представлениями общий размах самого движения и соответственно значительно большие (и количественно и по периоду) репрессии; полная невозможность (по крайней мере в подавляющей массе случаев) объяснять действия восставших как подкупом, так и стихийным, внезапным откликом на провокационную агитацию; очевидность глубочайшего совпадения лозунга дешевого хлеба с коренными интересами низкооплачиваемой части городского населения и беднейшего крестьянства; не только готовность «мятежников» платить

⁹ Напомним, что монмартрские каменоломни стали последним прибежищем отказавшихся сдаться инсургентов в июне 1848 года. Ср. литографию Бомона и Сисери № 171 в книге «1848. Textes par Georges Bougin et Max Terrier». Paris. 1948.

¹⁰ Никто из историков, кроме Фонсена (стр. 201), не придавал веры упоминанию Метра (I, 348) о готовившемся именно на 4 мая нападении на Бисетр с целью освободить заключенных. Однако приводимые нами факты придают гораздо большую вероятность если не самой подготовке нападения, то слухам о ней, в связи с чем и действовали (мы видим, как) упоминаемые Фонсеном патрули «в зоне 3—4 лье вокруг столицы».

по определенному («максимальному») тарифу, но и настойчивое навязывание ими подобных сделок владельцам хлебных запасов; полная необоснованность утверждений, будто восставшие только уничтожали зерно, муку и хлеб, а не забирали их себе.

Наш документ свидетельствует о крайне накаленной атмосфере, царившей в тогдaшнем Париже. Достаточно было легкого толчка извне, чтобы взбудоражить неумные слои как деревни, так и города. Хотя до революции дело дойти не могло, и более широким кругам сельской и городской буржуазии были чужды мотивы движения, лишённого прямой политической программы, в мае 1775 г. было налицо четко классовое выступление неумных, прямая угроза собственности, а не только политике Тюрго.

Аресты продолжались вплоть до июля. Амнистия 11 мая была лишь частичной, и последние жертвы майских арестов вышли на свободу не ранее июля. Дела Думерка и Сорена предстают совсем в ином свете, и, отнюдь не ущемленный в своих оптовых операциях с зерном, Думерк станет героем провиантирования Парижа в 1789 г., заслужит похвалы Неккера и т. п.

Тюрго отнюдь не впадал в панику, якобы преувеличивая повод для своей диктатуры в мае 1775 г., напротив, он трезво отдавал себе отчет в серьезности положения, ускользавшей от большинства современников. Все более очевидными становятся аналогии волнений мая 1775 г. не только с голодными выступлениями апреля 1789 г., но и особенно с октябрьским походом за «хлебопеком» в Версаль, с бунтами после введения хлебных законов (почти в те же годы) в Англии.

В нашем источнике не видно следов организационных центров и связей, политической программы и т. п. Не в «заговоре», «подкупе» или «фанатизме мракобесов» следует их искать. Перед нами вполне последовательный плебейский принцип ограничения спекуляции.

Достаточно признать за «Мучной войной» роль одной из последних репетиций 1789—1794 гг., чтобы убедиться в том, что события 1775 г. действительно помогают научно осветить вопрос о степени революционной зрелости и исторической активности народных масс за десятилетия до революции. Весь комплекс вопросов, окружающих «Мучную войну», заслуживает коренного пересмотра.